

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов

Алексей Владимирович КУПРИЯНОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-9041-6514

ЦИТИРОВАНИЕ: Куприянов А.В. (2020) Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 3. С. 47–65.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

Статья поступила в редакцию 06.04.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу индийских подходов к морским пространствам. Рассматривается эволюция восприятия экспертными и политическими кругами Индии регионального пространства. В этой эволюции автор выделяет несколько этапов: субимперский, в рамках которого Индия рассматривалась как доминирующая сила в регионе и центр субимперии в составе Британской империи; период холодной войны, когда Индия обращала основное внимание на укрепление своих позиций на международной арене путем наращивания связей с африканскими и ближневосточными государствами, при этом стараясь сохранить выгодный для нее статус-кво в Южной Азии; и период после окончания холодной войны, в течение которого Индия переосмыслила стратегические приоритеты и выработала собственный подход к членению регионального пространства, основанный на традиционном взгляде на мир, который можно представить в виде*

системы концентрических кругов, центром которой является Индия. В статье отмечается, что индийские авторы испытывают определенные проблемы, пытаясь вписать в рамки этой схемы океанские пространства, и рассматриваются возможные варианты решения этой проблемы, предложенные индийскими экспертами: принципиальный отказ от концепции концентрических кругов применительно к морским пространствам и создание отдельной «морской мандалы», учитывающей специфику региона Индийского океана. Автор предлагает свой вариант членения пространства Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), основанный на подходе индийского ученого К.Р. Сингха, предложившего в свое время пространственное деление региона Индийского океана; этот вариант позволяет учесть различие в отношении индийских политических элит к различным субрегионам и выделить причины, по которым это различие возникло.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Индия, Индийский океан, Тихий океан, Индо-Тихоокеанский регион, ИТР, Индо-Пацифика, спатIALIZация, морские пространства*

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР, Индо-Пацифики) является на данный момент одним из самых обсуждаемых и противоречивых геополитических конструктов: в то время как политики и эксперты из Индии, Японии, США, Австралии, стран Юго-Восточной Азии преимущественно отстаивают его естественность и историческую, экономическую и политическую обоснованность, их коллеги из Китая и отчасти из России критикуют данную концепцию как искусственную и призванную исключить из региональной политики страны, стоящие на пути амбиций США. Дополнительную путаницу вносит отсутствие единого понимания Индо-Пацифики как среди сторонников, так и среди противников: ученые и политики из перечисленных выше стран расходятся в определении ее границ.

Сама по себе идея Индо-Пацифики, как и любая идея, призванная объединить одни географические объекты и объединить другие, является конструктом, т. е. искусственным образованием, плодом мысли и воображения, который, распространяясь и переосмысливаясь, неизбежно трансформируется. Так, в геополитическом смысле Гурприт Кхурана, возродивший из забвения идею Индо-Пацифики, предложенную еще Карлом Хаусхофером, в принципе указал на связь двух океанов в контексте обеспечения безопасности поставок топлива из стран Персидского залива в Северо-Восточную Азию; под-

хвативший идею Синдзо Абэ уже заявил о «слиянии (confluence) двух океанов»; политики в Нью-Дели увидели в этом термине возможность заявить об увеличении роли Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в рамках политики Act East. При этом продвижение идеи ИТР встретило неоднозначную реакцию в странах АСЕАН, опасавшихся вызвать недовольство КНР и в то же время заинтересованных в вовлечении Индии в региональную политику как противовеса Китаю, расширению доступа к индийским рынкам и участии Индии во Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) [Рогожина 2019, с. 131–133]. Выход в итоге был найден в создании собственной концепции ИТР, не противоречащей индийской и основанной в то же время на идеях асеаноцентризма, однако пока эта концепция, как и индийская, не получила конкретного экономического наполнения.

Настоящая статья направлена на исследование Индо-Тихоокеанского региона как репрезентации реальности в воображении членов индийского экспертного и политического сообщества. Объектом исследования, таким образом, является ИТР как конструкт; предметом – его понимание и фрагментация в рамках индийского внешнеполитического дискурса. Индийское руководство по-разному выстраивает отношения с субрегионами, формально включаемыми им в границы ИТР, что требует объяснения. Традиционно истоки этой разницы ищут в сферах экономики и безопасности. Гипотеза, призванная объяснить индийский подход к спатIALIZации¹, состоит в том, что фрагментация Индо-Пацифики индийскими политическими кругами произ-

¹ СпатIALIZация – процесс формирования и существования пространственных форм, в которых отражается общее ощущение социального пространства, характерное для определенной политики в тот или иной момент времени.

водится – осознанно или нет – на основе не только экономической, политической или философской, но и историко-культурной: наибольшее значение придается тем субрегионам и странам, которые представляются значимыми в контексте исторического развития Индии как одной из великих мировых держав.

Для анализа используются инструменты концепций критической геополитики и стратегической культуры; автор придерживается историко-эволюционного подхода, рассматривая процесс изменения отношения к морским пространствам в индийском экспертном и политическом сообществе в исторической динамике. Из концептуальных работ авторов, использующих схожие методы, необходимо отметить работы Алистера Джонсона «Культурный реализм» [Johnston 1995] и Шриканта Парандже «Стратегическая культура Индии» [Paranjpe 2013]; обе они заслуживают особого внимания как попытки исследовать стратегическую культуру незападных обществ, но концентрируются преимущественно на реакции этих обществ на вызовах безопасности. Из новейших работ хотелось бы отдельно упомянуть книгу Т. Дойла и Д. Рамли «Появление и возвращение Индо-Пацифики» [Doyle, Rumley 2019], которая наиболее полно на данный момент описывает все существующие индо-тихоокеанские нарративы.

Статья разбита на четыре части. В первой кратко описывается эволюция индийского взгляда на место страны в мировом устройстве с момента обретения независимости и до нынешнего времени; во второй указываются проблемы, вызываемые стремлением приложить индийскую внешнеполитическую концепцию «концентрических кругов» к океанским пространствам ИТР; в третьей описываются попытки индийских теоретиков решить эти про-

блемы; в четвертой предлагается собственный вариант фрагментации океанских пространств ИТР, который позволит более полно анализировать поведение Индии в отношении субрегионов Индо-Пацифики.

Индийский взгляд на политическое мироустройство: от субимперии к системе кругов

К 1947 г., когда Индия обрела независимость, индийские политические круги уже имели сложившееся представление о месте Индии в мировом порядке. Оно было частично сформировано под влиянием внешнеполитической традиции Британского Раджа, частично возникло как вызов этой традиции. В соответствии с представлениями, господствовавшими во внешнеполитических кругах Британской Индии, ей отводилось центральное место в регионе Индийского океана, включавшем в себя Восточную Африку, Ближний Восток, Южную, Центральную и Юго-Восточную Азию. Индия мыслилась как центр неформальной субимперии; предполагалось, что, хотя ее интересы являются подчиненными по отношению к интересам империи, интересы политий, входящих в состав неформальной субимперии, должны быть в свою очередь подчинены интересам Индии. Формированию такого представления способствовало как географическое положение Индии и ее очевидное экономическое доминирование в регионе, так и специфическое место, занимаемое Индией в самой имперской конструкции (императорский титул британские монархи принимали по праву владения Индией) и в мировом сообществе (Индия, не будучи независимым государством или доминионом, являлась при этом страной-осно-

вателем и членом Лиги Наций, а затем ООН). Это представление британских правителей Индии вполне соответствовало идеям индийских интеллектуалов, мечтавших о том, чтобы их страна, освободившись от иноземного владычества, в будущем заняла достойное место в мировом сообществе; при этом в их кругах вызревала идея о создании паназиатского порядка, костяком которого должны стать Китай и Индия, причем подразумевалось, что последняя будет играть ведущую роль.

После того как Индия стала независимой, эта концепция трансформировалась в идею индийско-китайского партнерства, которое Джавахарлал Неру в свое время представлял в форме «Восточной федерации» [Усов 2003, с. 56], группы стран, не желающих примыкать ни к одной из сторон в холодной войне. После того как противоречия между Индией и Китаем привели к разрыву этого партнерства и пограничной войне 1962 г., Индия продолжила курс на формирование Движения неприсоединения. В рамках этого курса Нью-Дели стремился к укреплению отношений с арабскими и африканскими странами; при этом правительство Джавахарлала Неру действовало в субимперской парадигме и реализовало индийский вариант «доктрины Монро», аннексируя и присоединяя независимые княжества и иностранные колонии и владения на территории Индостана. Эти два направления, выросшие из продолжения и отрицания субимперского опыта – стремление играть ведущую роль в Движении неприсоединения, выступая в качестве морального лидера, и в то же время обеспечить силой свои непосредственные интересы на Индостане и прилегающих к нему территориях, – доминировали в индийской политике на всем протяжении холодной войны. Двойственность внешнеполитического курса Индии

была очевидна сторонним наблюдателям, и наилучшим образом отношение к ней зарубежных стран выразил Дж. Ф. Кеннеди, заявивший во время встречи с индийским послом Б.К. Неру после аннексии Гоа: «Вы потратили последние 15 лет, читая нам мораль, и наконец вы сделали шаг вперед и поступили так, как должна поступать всякая нормальная страна, так, как вы должны были поступить еще 15 лет назад. Люди повторяют известную поговорку про священника, которого застали выходящим из борделя, и аплодируют вам, и я, господин посол, аплодирую вам тоже» [Ких 1993, р. 198].

В 1991 г. после распада Советского Союза и окончания холодной войны возникли предпосылки для переосмысления Индией своего места в мире. Индийское руководство провозгласило политику Look East, ища сближения со странами Юго-Восточной Азии. Постепенно, с ростом экономической мощи Индии и ее претензий на роль одного из центров многополярного мира, возникла потребность в формулировании нового внешнеполитического видения, которое могло бы подкрепить эти претензии. Это видение предложил в начале 2000-х гг. индийский политолог С. Раджа Мохан. Он взял за основу привычное для индийцев представление о мире как о сложной структуре, которую можно изобразить в виде мандалы – геометрического символа, ключевым элементом которого являются концентрические окружности. В центре находится сама Индия; ее окружают три круга. В пределах ближнего – т. н. зоне непосредственного соседства – находятся государства Южной Азии; в пределах второй, в зоне расширенного соседства, – страны Юго-Восточной Азии, Восточной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии. Наконец, третий круг включает в себя весь остальной мир [Mohan 2006].

Страны ближнего круга имеют важное значение для безопасности Индии, и в случае необходимости Индия применяет там силу; в странах второго круга она предпочитает действовать преимущественно экономическими методами, используя «мягкую силу». Наконец, в третьем круге Индия позиционирует себя как великая держава – миролюбивая и отстаивающая приоритет международного права и моральные принципы.

Эта концепция, как следует из выступлений индийских официальных лиц, достаточно точно описывает сложившийся у индийского руководства взгляд на мир. Так, в 2006 г. глава МИД Пранаб Мукерджи в одном из выступлений упомянул об «индийской парадигме безопасности: расширении концентрических кругов взаимодействия от центра наружу»², а в другом объяснил, что «регион расширенного соседства Индии» включает «Западную Азию, Центральную Азию, Юго-Восточную Азию и регион Индийского океана»³. Годом позже эту формулировку повторил секретарь МИД Индии Шившанкар Менон⁴. В тех же понятиях определяет индийскую внешнюю политику бывший секретарь МИД Шьям Саран [Saran 2017, pp. 16–22]. Устойчивость этой парадигмы объясняется ее соответствием взглядам индийских политиков, напрямую вытекающим из традиционных индийских представлений об устройстве мира; в то же время эти представления затрудняют для ин-

дийского руководства концептуализацию в рамках данной модели морских пространств, которым в традиционной индийской космологии уделяется сравнительно мало внимания.

Проблема океана

Границы этой системы кругов начинают буквально размываться при попытке включить в ее состав океан, где отсутствуют население и границы в классическом понимании и где нельзя по собственному желанию расширить пределы притязаний на акваторию и обеспечить над ней эффективный контроль. Представления индийских элит об Индии как естественном лидере региона наталкиваются на невозможность подкрепить эти претензии силой и на необходимость договариваться с независимыми странами, контролирующими «точки входа» в Индийский океан. Возникающий дискомфорт усиливается из-за присутствия в регионе сил иностранных держав, обеспечивающих экспорт нефти из стран Персидского залива и функционирование морских путей через Суэцкий канал и Малаккский пролив.

Если индийская политика в отношении близлежащих Шри-Ланки и Мальдив еще подчиняется общим правилам, сформулированным С. Раджой Моханом для стран зоны непосредственного соседства, то попытки Индии создать военно-морские базы на Маврикии и

2 Address by Mr. Pranab Mukherjee, Hon'ble Minister for External Affairs at National Defence College, New Delhi, 3rd November, 2008 India's Security Challenges and Foreign Policy Imperatives (2008) // Ministry of External Affairs. Government of India, November 3, 2008 // <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/1767/Address+by+Mr+Pranab+Muk>, дата обращения 22.06.2020.

3 "Indian Foreign Policy: A Road Map for the Decade Ahead" – Speech by External Affairs Minister Shri Pranab Mukherjee at the 46th National Defence College Course (2006) // Ministry of External Affairs. Government of India, November 15, 2006 // <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/2395/>, дата обращения 22.06.2020.

4 Speech by Foreign Secretary Shri Shivshankar Menon on "India and International Security" at the International Institute of Strategic Studies (2007) // Ministry of External Affairs. Government of India, May 3, 2007 // <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/1863/Speech+by+Foreign+Secretary+Shri+Shivshankar+Menon+on+India+and+International+Security+at+the+International+Institute+of+Strategic+Studies>, дата обращения 22.06.2020.

Сейшелах одновременно с явным нежеланием играть активную роль в Ираке и Йемене (при том что все эти государства формально входят в зону расширенного соседства) демонстрируют, что привычная внешнеполитическая схема в океанских просторах не работает.

Серьезную проблему для концептуализации индийского внешнеполитического видения создают попытки Нью-Дели добавить в число приоритетных геополитических конструктов ИТР. Первые представления о системном единстве Индийского и западной части Тихого океанов сформировались в индийском политическом дискурсе еще в эпоху холодной войны: К.М. Паникар, Б. Сен Гупта и ряд других индийских историков в своих работах указывали, что в доевропейскую эпоху в этом регионе существовало единое культурное и торговое пространство [Pant 2019, p. 95]. Эту идею творчески развил в 2007 г. Гурприт Кхурана, не позаботившийся, однако, о том, чтобы вписать ее в набирающую популярность концентрическую схему [Khurana 2007].

Дополнительные проблемы вносит неопределенность границ ИТР в представлении индийского экспертного и политического сообщества. К примеру, генерал-лейтенант П.К. Сингх определяет ИТР как «комбинацию Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) и региона Индийского океана (РИО), связанных загруженными проливами – Малаккским, Зондским и Ломбоком» [Rajesh, Sharma 2017, p. 1]; Руп Нараян Дас указывает, что «индийская политика Look East в сопряжении с инициативой «Безопасность и рост для всех в регионе» (Security and Growth for All in the Region, SAGAR), объявленной Моди, точно объясняет подход Индии к широкому пониманию ИТР, и не будет преувеличением сказать, что в стратегическом конструкте Индо-Пацифики

стержнем является Вьетнам» [Debroy, Ganguly, Desai 2019, pp. 507–508]. При этом в индийском дискурсе идея Индо-Пацифики не вытеснила конкурирующие концепции: в итоге можно констатировать наличие в индийском политическом дискурсе трех трудносочетаемых конструктов: «широкого ИТР» от африканских до американских берегов, исторически и культурно обусловленного «Большого Индийского океана», включающего западную часть Тихого океана, и собственно региона Индийского океана, концепция которого сформировалась в последней трети XIX в. на основе зоны влияния Индии как субимперии. Хотя индийские авторы указывают, что эти концепции не являются взаимоисключающими [Kumar 2017, p. 110], трудно понять, как РИО, в котором Индия претендует на доминирование, соотносится с «широкой Индо-Пацификой», главной чертой которой является инклюзивность, и как в оба этих концепта можно вписать «Большой Индийский океан». Все три понятия индийские политики и эксперты, как видно из приведенных выше примеров, часто употребляют в качестве синонимов.

Ответы на вызов: анализ трансокеанского пространства и «морская мандала»

Подходы, которые индийские эксперты используют, пытаются решить эту проблему, можно разделить на два типа.

В рамках первого подразумевается, что проблемы как таковой не существует и что нет необходимости вписывать страны региона Индийского океана в схему концентрических кругов; их можно и нужно анализировать отдельно в рамках очерченных региональных границ без подведения под этот анализ философской базы. Именно этот под-

ход при анализе региона Индийского океана использовали индийские ученые в эпоху холодной войны, выделяя в нем четыре части: Южную Африку, Юго-Западную Азию, Индию и Пакистан, Юго-Восточную Азию и Австралию [Лебедева 1991, с. 20]. Это деление отражало тогдашние приоритеты индийского руководства, уделявшего повышенное внимание налаживанию отношений с арабскими и африканскими странами.

Среди современных исследователей, анализирующих пространство Индийского океана в русле этого подхода, можно назвать Абхишека Мишру. В своем докладе *India-Africa Maritime Cooperation: The case of Western Indian Ocean* [Mishra 2019] и в экспертном комментарии *Act East and Act West: Two different prisms for India's Indo-Pacific strategy* (совместно с Премешей Сахой) он рассматривает пространство Индо-Пацифики в рамках привычного спатального деления. Это позволило ему заметить очевидную разницу в подходе индийских политиков к западной и восточной части Индийского океана: «Индийские политические круги воспринимая регион Западного Индийского океана лишь в географическом смысле, не пытаясь сформулировать в его отношении стратегию или последовательное и убедительное видение или вписать его в Индо-Тихоокеанский конструкт» [Mishra, Saha 2020].

Принципиально иной подход представлен в работах Виджая Сахуджи, который пытается включить морские пространства в упомянутую систему концентрических кругов. С этой целью Сахуджа предложил концепцию «морской мандалы»: в ней Индия по-прежнему находится в центре, но большее внимание обращается на морские пространства. В этой концепции выделяются «ближайшая мандала» (*Immediate Mandala*), в которую входят соперничающие державы

(Пакистан и Китай), а также «промежуточная мандала» (*Intermediate Mandala*), состоящая из трех стратегических пространств: Персидского залива, откуда Индия получает нефть и где проживает крупная индийская диаспора, служащая источником поступления средств в экономику; прибрежных вод Восточной Африки, где Индия выполняет роль поставщика безопасности; Юго-Восточной Азии, с которой Индия поддерживает многовековые экономические, торговые и культурные связи. Наконец, «внешняя мандала» (*Outer Mandala*) включает дугу великих держав (Австралия, Япония, США), с которыми у Индии совпадают стратегические цели, а следовательно, с которыми возможно и нужно развивать сотрудничество в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (*Quad*). На основе этого подхода Сахуджа предлагает следующую концептуализацию морских пространств по зональному признаку: первая зона включает пространства Бенгальского залива, Аравийского моря, Персидского залива и Восточной Африки; вторая – Восточную Азию и Западный Тихий океан, в т. ч. Японию, Южную Корею, Тайвань, несколько стран АСЕАН, Австралию и Новую Зеландию; наконец, третья зона включает США и страны Океании [Sakhuja 2019].

Слабые места этой концепции очевидны: она в принципе не учитывает всей сложности отношений Индии со странами ближнего круга (в частности, принципиально разный подход Нью-Дели к отношениям с Пекином и Исламабадом) и не принимает во внимание интересы малых и средних стран, что в специфических условиях региона чревато серьезными проблемами. С другой стороны, эта концепция в целом соответствует индийскому традиционному представлению о мире и дает необходимую философскую базу для развития отношений со странами *Quad*.

Особый интерес представляют работы С. Раджи Мохана, одного из создателей концепции концентрических кругов. Суммируя его взгляды, изложенные в других работах и в статьях в индийской прессе, Н.Б. Лебедева отмечает, что определенные Раджой Моханом задачи индийских ВМС (охрана побережья, способность противостоять Пакистану, охрана потоков грузов из стран Залива, противодействие пиратам и, наконец, демонстрация силы в дальних морях) вполне ложатся в его концепцию [Лебедева 2018, с. 231–232]. Парадоксально, однако, что сам Раджа Мохан не использует образ «кругов», когда рассуждает об океанских пространствах; более того, он полностью меняет подход, переходя при описании ИТР от «кругов» к предложенному американскими исследователями «квадрату» и указывая, что Индо-Пацифика, связывая два океана, в то же время вынуждает Индию и Китай мыслить в категориях расширения геополитического влияния по «горизонтали» и «вертикали», наращивая влияние в странах Центральной и Юго-Восточной Азии [Mohan 2013, p. 215].

Таким образом, резюмируя, можно отметить, что если стандартно-географический подход оперирует в основном морскими пространствами, воспринимая их как основной объект анализа, то подход «концентрических кругов» пытается вписать эти пространства в традиционную космологическую схему, в результате чего возникает конфликт космологии и практической географии. На наш взгляд, оба подхода заслуживают тщательного изучения: но если анализ второго необходим для того, чтобы понять модель мышления части представителей индийских политических кругов, то первый более подходит для анализа причин, влияющих на индийские действия в регионе Индо-Пацифики, со стороны. Оба они, одна-

ко, страдают определенными недостатками и не описывают всей неоднозначности восприятия индийскими политиками субрегионов ИТР. Что хуже всего, они не учитывают разницы во взглядах между политическими элитами, охотно расширяющими границы ИТР до пределов т. н. Индосферы – зоны культурного влияния Индии, – и военными, для которых понятие ИТР аналогично региону Индийского океана.

Более того, все перечисленные выше подходы сформировались в первое десятилетие XXI в., когда экономика Индии переживала бурный рост и индийские политики считали делом ближайшего будущего превращение Индийского океана в зону безоговорочного доминирования Индии [Brewster 2014, pp. 35–37], планируя дальнейшее расширение влияния в западной части Тихого океана, а в перспективе – в Южной Атлантике и Океании. Экономический кризис 2008 г. вынудил индийских экспертов, политиков и военных уменьшить масштаб предполагаемой экспансии, а начавшееся в 2017 г. устойчивое снижение темпов роста индийской экономики окончательно поставило на ней крест. В ряде выступлений в 2020 г. начальник штаба обороны Индии генерал Бипин Рават объявил о готовящихся военных реформах, которые, в частности, подразумевают сокращение ассигнований на дорогостоящие флотские проекты. Речь идет о возможном отказе от планов постройки третьего авианосца для ВМС Индии, дальнейшем развитии флота с опорой на подводные лодки и отказе от планов расширения присутствия за границами Индийского океана. Пока неясно, как отразится это снижение расходов на индийской политике Act East, ориентированной на сотрудничество с государствами за пределами региона Индийского океана.

В этой связи представляется необходимым предложить альтернативное членение «расширенной Индо-Пацифики», которое по возможности учитывало бы все нюансы индийского отношения к ней.

Предлагаемое деление: восемь субрегионов

За основу этого членения взяты предложения профессора Калькутского университета К.Р. Сингха, высказанные еще до того, как концепция Индо-Пацифики завоевала популярность. Сингх предложил разделить регион Индийского океана на четыре зоны: Бенгальский залив и его естественные продолжения, такие как Андаманское море и Малаккский пролив; регион Центрального Индийского океана; Аравийское море и его естественные продолжения, такие как Персидский залив, Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море; регион Западного Индийского океана, включающий африканское побережье и малые островные республики [Singh 2008, p. 3]. Так как основные императивы Индии в Индийском океане с добавлением в конструкт Тихого океана не поменялись, имеет смысл взять это членение за основу и расширить его на Тихий океан. Кроме того, представляется разумным в связи с изменением военно-стратегической обстановки в регионе (милитаризация Андаманских островов, переговоры о строительстве индийских баз на южных островах, расширение сотрудничества Индии со странами Африки, кризис у берегов Сомали) несколько изменить границы предложенных Сингхом субрегионов.

Таким образом, можно разделить общий Индо-Тихоокеанский регион на следующие субрегионы:

Субрегион непосредственного соседства Индии, включающий прибрежные воды Индостана, Мальдивы, Шри-Ланку, Бангладеш и побережье Мьянмы до Андаманских островов. Вдоль большей части побережья этого субрегиона издавна осуществлялось каботажное плавание, которое не прекращалось даже в эпоху утраты интереса индийских государств к морской экспансии. С британских времен этот субрегион воспринимается как критически важный для безопасности Индии, поэтому на его условных границах Нью-Дели выстраивает кольцо безопасности из дружественных государств и военных баз и крайне болезненно относится к любым не согласованным с ним действиям внешних игроков в границах этого субрегиона (аренда китайцами ланкийского порта Хамбантота, развитие порта Читтагонг и т. п.). Исторически Индия демонстрировала заинтересованность в сохранении выгодного ей статус-кво в регионе и готовность предотвратить нежелательные изменения (ликвидация переворота на Мальдивах в 1988 г., вмешательство в гражданскую войну на Шри-Ланке). Ситуация для Индии осложняется тем, что эти страны преследуют собственные интересы, пытаясь балансировать между Индией, Китаем и Пакистаном [Menon, Paul 2017, pp. 15–18]. Индия пытается привязать к себе страны этого региона как при помощи вовлечения их в торговые блоки (СААРК и БИМСТЕК) [Devi 2007], так и при помощи налаживания военного сотрудничества и апелляции к общему наследию («в каждой стране Южной Азии есть кусок Индии») [Singh 2017, p. 78], причем культурно-исторические связи настолько сильны, что иногда вызывают отторжение [Suresh 2020, p. 47]. Пакистан, который также относится к этому субрегиону, выступает в роли постоянного раз-

дражителя, не представляющего экзистенциальной опасности, но требующего резервов для блокирования действий его флота.

Субрегион восточной части Индийского океана (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур). В концепции Сингха он является частью субрегиона непосредственного соседства; но имеет смысл выделить его в отдельный субрегион. В глазах индийских стратегов он является своего рода предпольем Индийского океана: Сингапур запирает Малаккский пролив, а владение островами Малайского барьера позволяет контролировать остальные проливы: Зондский, Ломбокский и Сумба. Исторически Индия поддерживает дружественные отношения со всеми странами субрегиона, кроме Индонезии, которая в свое время оспаривала претензии Индии на доминирование в регионе Индийского океана и поддерживала Пакистан. Тем не менее отношения в конце концов удалось нормализовать, и в нынешнем индийском видении ИТР Индонезия играет роль одного из ключевых союзников. Ведущую роль в этой нормализации сыграла политика Look East, в рамках которой Индия не только выстроила экономическую базу для сближения, но и апеллировала к общему историко-культурному прошлому обеих стран [Sridharan 1996, p. 24; Jaffrelot 2003] на основании того, что исторически весь субрегион Восточной части Индийского океана входит в состав Индосферы. Благодаря индийским мореплавателям-тамилам на островах Малайского архипелага распространились южноиндийская культура, индуизм и буддизм; в результате в субрегионе появились индуистские и буддистские талассократии, наиболее заметными из которых стали Шривиджая, империя Чола и Маджапахит [Rais 1986, pp. 16–17].

Субрегион западной части Тихого океана (Камбоджа, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Корея, Япония). Формально в индийской политике Look East и Act East не делается различий между странами ЮВА к востоку и западу от Малаккского пролива, однако между ними существует заметная разница как в сфере безопасности, так и в культурном плане. Хотя восточная часть ЮВА традиционно включается в Индосферу, поскольку благодаря тесным торговым связям там распространилась индуизм и буддизм хиньяны [Buzan, Little 2000, p. 224], культурное влияние Индии там выражено меньше; при этом индийские государства поддерживали торговые и политические связи со всеми странами субрегиона, включая Корею и Японию. В годы холодной войны отношения между Индией и некоторыми государствами субрегиона (например, Филиппины), ориентирующимися на США, заметно охладели [Sridharan 1996, pp. 28–29], но с начала 1990-х гг. вновь находятся на подъеме.

Ключевое различие этих двух субрегионов заключается в том, что Индия избегает проецировать силу к востоку от Малаккского пролива, не воспринимая субрегион западной части Тихого океана как сферу своих законных интересов. Показательным является отказ Индии втягиваться в территориальный спор в Южно-Китайском море вопреки желанию малых и средних стран субрегиона. В Нью-Дели не готовы дразнить Пекин ради усиления влияния в регионе, который исторически не воспринимается как «свой», несмотря на недовольство местных игроков пассивностью Индии [Brewster 2018, p. 179].

В глазах индийского руководства перечисленные выше три субрегиона представляют собой основную ось ИТР, причем ключевыми игроками являются сама Индия, Индонезия как страна,

контролирующая проливы, и Япония. При этом необходимо учитывать, что любые границы между этими субрегионами являются в значительной степени искусственными: Восточно-Индоеокеанский регион составляет в культурно-историческом плане единое целое с регионом непосредственного соседства, представляя собой «расширенный Бенгальский залив» [Chaudhury, Basu, Bose 2019, p. 13], а Западно-Тихоокеанский регион видится индийским стратегам логичным продолжением Восточно-Индоеокеанского, исторически и культурно составляющего с ним единое целое. Связность этого региона была очевидна и европейским путешественникам, которые на протяжении долгого времени рассматривали Малайский полуостров и соседние острова как культурное и географическое продолжение Индии, своего рода «Индийский архипелаг» и «Дальнюю Индию», и зачастую не отделяли от Азии даже острова Океании и Австралию [Hopkins 2002, pp. 129–130].

Тем не менее в настоящий момент индийским руководством **Австралия и Океания** рассматриваются как особый субрегион, исторически лежащий вне пределов индийского культурного и политического влияния. В XIX и начале XX в. более полутора миллионов индийцев, нанятых в рамках системы индентуры, были отправлены на работы и поселение в другие владения Британской империи. Быстрый рост диаспоры вкупе с начавшимся процессом федерализации, а позже дезинтеграции империи поставил вопрос о будущем индийского населения; не исключалось, что в случае получения независимости Индией и тихоокеанскими островами диаспора сохранит тесные политические связи с индийской метрополией [Andrews 1937, p. 91], что, в свою очередь, означало бы расширение индийской субимперии на Тихоокеанский регион.

Этого не произошло: после деколонизации начался отток индийцев из большинства бывших колоний на Тихом океане, за исключением Фиджи. В годы холодной войны и в 1990-х гг. Океания находилась вне сферы внимания Индии, этот субрегион был включен в число приоритетных в рамках программы Look East лишь в 2003 г. Это объясняется как экономическими, так и политическими и культурными причинами. В свою очередь, страны Океании в целом также не демонстрируют особого интереса к развитию сотрудничества с Индией, предпочитая в рамках азиатского направления своей внешней политики налаживать контакты с Северо-Восточной Азией; это приводит к сравнительно небольшой взаимной заинтересованности в развитии отношений в сфере торговли, инвестиций и безопасности [Croccombe 2007, p. 274]. Визит Нарендры Моди на Фиджи в 2015 г. породил надежды на то, что этот подход будет пересмотрен; этого, однако, так и не произошло [Mohan 2015, pp. 170–172].

Особняком стоит Австралия, которая представляет для Индии интерес как крупный игрок в южной части региона. Австралия, являясь участником Quad и одним из бенефициаров Индо-Пацифики, в представлении Нью-Дели имеет законные интересы в Океании и заинтересована в сотрудничестве с Индией в восточной части Индийского океана. Подходы к обеспечению безопасности в этой части региона у Индии и Австралии совпадают, но при этом Канберра воспринимается в Нью-Дели исключительно как субрегиональный партнер с собственными интересами, которые не всегда идентичны индийским [Chowdhury Y., Chowdhury A.D. 2016, pp. 153–154].

Северная, центральная и восточная части Тихого океана. Несмотря на то, что в эпоху унии Испанской и Португальской колониальных империй

Индия являлась частью единой торговой сети, через Филиппины поддерживая контакты с Америкой [Buschmann, Slack Jr., Tueller 2014, pp. 7–8], и на наличие индийской диаспоры в странах Южной и Северной Америки, это пространство фактически выпадает из фокуса внимания Нью-Дели, хотя формально и входит в состав «расширенного ИТР». Этому способствуют явное американское доминирование на севере и отсутствие значимых интересов на юге субрегиона. Показательными можно считать высказывания президента Рам Натха Ковинда во время визита в страны Южной Америки (Чили и Боливию), где основной акцент был сделан на расширение контактов Индии с Тихоокеанским альянсом. Такой формат взаимовыгодного экономического взаимодействия без обязательств представляется для Индии вполне комфортным.

В отдельный субрегион можно выделить **центр Индийского океана**, включающий Маврикий, Сейшелы, Коморы и островные территории Британии и Франции. Значимость этого региона с индийской точки зрения определяется прежде всего его стратегическим положением: военные базы на территории островных государств контролируют южный рубеж Индийского океана, а договориться с правительствами малых государств проще, чем с ЮАР, демонстрирующей амбиции регионального лидера. Эта задача облегчается наличием на островах индийской диаспоры; дополнительным стимулом служит активизация двусторонних связей малых островных государств с Китаем [Mohan 2015, pp. 168–170]. В рамках реализации этой же за-

дачи Индия наращивает взаимодействие с Британией и Францией, имеющими владения в субрегионе.

Восточноафриканский субрегион включает побережье Кении, Танзании, Мозамбика, ЮАР, Мадагаскара – т. е. африканских государств, обладающих сравнительно скромными ВМС и при этом заинтересованных в безопасности своих берегов и парировании нетрадиционных вызовов и угроз, таких как контрабанда наркотиков и оружия, торговля людьми, пиратство. Исторически часть государств этого субрегиона входила в зону интересов Британского Раджа; в них сложилась индийская диаспора, представители которой занимали в колониальном обществе сравнительно высокое положение, что вызывало отчуждение между ними и коренными африканцами и приводило к многочисленным эксцессам. Таким образом, нынешние индийско-африканские отношения строятся на достаточно неоднозначном историческом базисе; тем не менее обе стороны заинтересованы в сотрудничестве. Индия рассматривает Африку как потенциальную ресурсную базу; африканские страны видят в Индии источник технологий и инвестиций и поставщика безопасности в прибрежных водах. Африка, тем не менее, фактически выпадает из Индо-Тихоокеанского дискурса⁵, оставаясь при этом в рамках дискурса региона Индийского океана.

Северо-запад Индийского океана, включая Персидский залив, – один из самых проблемных для Нью-Дели с культурно-исторической точки зрения субрегионов. Первые торговые контакты с этим субрегионом государства

5 Mohan C. Raja (2019) Delhi's Strategy for Indo-Pacific Needs to Recognise the Importance of the Continent // The Indian Express, July 2, 2019 // <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/re-imagining-india-and-africa-policy-narendra-modi-government-5809769/>, дата обращения 22.06.2020.

Индии установили еще в домусульманские времена; после мусульманского завоевания Северная Индия вошла в единую исламскую подсистему международных отношений, превратившись в один из ее центров, что резко негативно воспринималось в рамках индийского националистического дискурса. Индийские солдаты участвовали в Месопотамской кампании Первой мировой войны, а затем в подавлении Иракского восстания 1920 г., причем в обоих случаях были понесены тяжелые потери. Этот негативный опыт был частично преодолен в годы холодной войны, когда Индия сблизилась со светскими арабскими режимами. В целом Индия продолжает политику налаживания контактов со странами Залива, начатую еще до формирования концепта ИТР и получившую название Look West по аналогии с хорошо зарекомендовавшей себя стратегией Look East [Kemp 2010, pp. 23–63]; тем не менее индийская политика на западном направлении, по сути, осуществляется вне рамок общей стратегий в ИТР. Показательно, что во время визита премьер-министра Нарендры Моди в Саудовскую Аравию и ОАЭ тема Индо-Пацифики не поднималась вообще: субрегион почти полностью выпал из индо-тихоокеанского дискурса при том, что именно зависимость безопасности маршрута доставки углеводородов из Персидского залива в Северо-Восточную Азию легла в основу самой идеи Индо-Пацифики, сформулированной Гурпритом Кхураной. При этом нельзя сказать, что Индия проводит в этом субрегионе пассивную политику: индийские корабли участвовали в антипиратских операциях в районе Африканского Рога, руководство Индии расширяет контакты со странами Залива, рассматривая их как перспективных политических и экономических партнеров.

Выводы

Как представляется, предложенная схема деления Индо-Тихоокеанского региона не только облегчает рассмотрение индийской политики в каждом конкретном субрегионе, но и демонстрирует важность историко-культурного фактора, который зачастую игнорируется исследователями, обращающими основное внимание на вопросы экономики и безопасности (в качестве примера можно привести тезис С. Раджи Мохана о том, что акцент на налаживании отношений с ЮВА был вызван преимущественно отсутствием ресурсов, которые позволили бы Индии проводить активную политику сразу на нескольких направлениях) [Mohan 2013, p. 93]. Среди предложенных регионов явно выделяются те, которым в рамках формирования ИТР Индия уделяет особое внимание: это регионы непосредственного соседства, восточной части Индийского океана и западной части Тихого океана, в индийском восприятии составляющие особую историко-культурную область. Не случайно успехи «мягкой силы» Индии на этом направлении в последние годы отмечают даже самые жесткие критики Моди, такие как Бхарат Карнад, хотя и критикуют его за то, что культурная дипломатия не подкрепляется жесткой силой [Karnad 2018, pp. 107–108].

При этом не стоит недооценивать значимость экономического фактора и фактора безопасности: так, уже упомянутая историко-культурная область дробится на субрегионы именно исходя из различного подхода Индии к обеспечению безопасности в разных ее частях. Стоит, очевидно, говорить о взаимоподдерживающем и мультиплицирующем характере всех трех факторов: именно их сочетание превратило Юго-Восточную Азию в глазах индийских стратегов в «центр тяжести» Индо-Тихоокеанского региона, его ось. В резуль-

тате на ментальной карте индийских элит Индо-Пацифика, по сути, состоит из зоны непосредственного соседства, отчасти зоны центральной части Индийского океана и ЮВА; остальные субрегионы (Океания, большая часть Тихого океана, западная часть Индийского океана) не воспринимаются как принадлежащие к ИТР, хотя традиционно в него включаются, и отношения с ними не встраиваются в общую индо-тихоокеанскую стратегию Индии.

Осознание важности культурно-исторического фактора помогает понять и нежелание Индии участвовать в противостоянии с Китаем, куда ее пытаются втянуть США, и неготовность ее расширять свою сферу интересов на весь «широкий Индо-Тихоокеанский регион», и то, почему необязывающее взаимодействие в формате Quad, в котором ни США, ни Япония, ни Австралия не претендуют на контроль над критически важными для Индии регионами, представляется для Нью-Дели вполне комфортным. При этом индийская политика остается по сути двойственной, сочетающей субимперские представления о безопасности с попытками найти историческое обоснование для развития связей со странами за пределами бывшего субимперского ареала. В случае, если апелляция к историческому единству будет подкреплена реальными экономическими проектами, в реализации которых заинтересованы и Индия, и страны Юго-Восточной Азии, ИТР приобретет конкретное наполнение; в противном случае он так и останется культурно-историческим конструктом. Основная проблема заключается в том, что главной движущей силой экономического развития пространства «Большого Индийского океана» в прошлом был Китай, и жизнеспособность любого подобного формата в ЮВА без его участия представляется сомнительной.

В этой связи возникает вопрос: «Где же в этом делении место России?» В настоящий момент Москва демонстративно дистанцируется от любых обсуждений ИТР, полагая его антикитайским конструктом и в принципе отказываясь рассматривать его через призму историко-культурного и экономического факторов, имеющих для Индии важное значение. До тех пор, пока Россия не определит для себя сама свое место в Индо-Тихоокеанском регионе, для Индии она будет оставаться страной на отдаленной окраине ИТР, взаимодействие с которой может осуществляться на двусторонней основе, но не в рамках перспективного концепта. Если же Россия сформулирует и обнародует свою концепцию ИТР с учетом интересов Индии, это может принципиально изменить всю схему индо-тихоокеанского конструкта.

Список литературы

- Лебедева Н.Б. (1991) Международные отношения в зоне Индийского океана. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Лебедева Н.Б. (2018) Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН.
- Рогожина Н.Г. (2019) Индо-Тихоокеанский проект и новые ориентиры сотрудничества АСЕАН-Индия // Запад-Восток-Россия 2018. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН. С. 129–134 // https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019_05.pdf, дата обращения 22.06.2020.
- Усов В.А. (2003) Формирование общего индоокеанского пространства. М.: Институт Африки РАН.
- Andrews C.F. (1937) India and the Pacific, London: George Allen & Unwin.

Brewster D. (2014) *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*, Abingdon: Routledge.

Brewster D. (ed.) (2018) *India & China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*, New Delhi: Oxford University Press.

Buschmann R.F., Slack Jr. E.R., Tueller J. (2014) *Navigating the Spanish Lake: The Pacific in the Iberian World, 1521–1898*, Honolulu: University of Hawai'i Press.

Buzan B., Little R. (2000) *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*, New York: Oxford University Press.

Chaudhury A.B.R., Basu P., Bose S. (2019) *Exploring India's Maritime Connectivity in the Extended Bay of Bengal*, New Delhi: ORF.

Chowdhury Y., Chowdhury A.D. (2016) *Modi and the World: The Ring View Inside Out*, New Delhi: Bloomsbury.

Crocombe R. (2007) *Asia in the Pacific Islands: Replacing the West*, Suva: IPS Publications, The University of the South Pacific.

Debroy B., Ganguly A., Desai K. (2019) *Making of New India: Transformation under Modi Government*, New Delhi: Wisdom Tree.

Devi T.N. (ed.) (2007) *India and Bay of Bengal Community: The BIMSTEC Experiment (Bangladesh-India-Myanmar-Sri Lanka-Thailand Economic Cooperation)*, New Delhi: Gyan Publishing House.

Doyle T., Rumley D. (2019) *The Rise & Return of the Indo-Pacific*, New York: Oxford University Press.

Hopkins A.G. (ed.) (2002) *Globalization in World History*, London: Pimlico.

Jaffrelot C. (2003) *India's Look East Policy: An Asianist Strategy in Perspective* // *India Review*, vol. 2, no 2, pp. 35–68. DOI: 10.1080/14736480412331307022

Johnston A.I. (1995) *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, New Jersey: Princeton University Press.

Karnad B. (2018) *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*, Gurgaon: Penguin.

Kemp G. (2010) *The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East*, Washington: Brookings Institution Press.

Khurana G.S. (2007) *Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation* // *Strategic Analysis*, vol. 31, no 1, pp. 139–153. DOI: 10.1080/09700160701355485

Kumar Y. (ed.) (2017) *Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a Seminar on Narendra Modi's Sagar Speech*, New Delhi: KW Publishers.

Kux D. (1993) *India and USA: Estranging Democracies, 1941–1991*, Washington: National Defense University Press.

Menon V.B., Paul J.M. (2017) *Sub-Regional Cooperation in South Asia: India, Sri Lanka and Maldives*, New Delhi: Vij Books India.

Mishra A. (2019) *India-Africa Maritime Cooperation: The Case of Western Indian Ocean* // *Observer Research Foundation. Occasional Paper No. 221*, November 2019 // <https://www.orfonline.org/research/india-africa-maritime-cooperation-the-case-of-western-indian-ocean-57250>, дата обращения 22.06.2020.

Mishra A., Saha P. (2020) *Act East and Act West: Two Different Prisms for India's Indo-Pacific Strategy* // *Observer Research Foundation*, January 4, 2020 // <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850>, дата обращения 22.06.2020.

Mohan C. Raja (2006) *India and the Balance of Power* // *Foreign Affairs*, vol. 85, no 4, pp. 17–32. DOI: 10.2307/20032038

Mohan C. Raja (2013) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*, New Delhi: Oxford University Press.

Mohan C. Raja (2015) *Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence*, Noida: HarperCollins India.

Pant H.V. (ed.) (2019) *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Paranjpe S. (2013) *India's Strategic Culture: The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Rais R.B. (1986) *The Indian Ocean and the Superpowers*, London: Croom Helm.

Rajesh M.H., Sharma R.K. (2017) *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects*, New Delhi: Vij Books India.

Sakhuja V. (2019) *Indic Statecraft and Indo-Pacific* // Vivekananda International Foundation, October 11, 2019 //

<https://www.vifindia.org/print/6754>, дата обращения 22.06.2020.

Saran S. (2017) *How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century*, New Delhi: Juggernaut.

Singh K.R. (2008) *Maritime Security for India: New Challenges and Responses*, New Delhi: New Century Publications.

Singh N. (2017) *Security Policy of India: Modi Doctrine*, New Delhi, Pentagon Press.

Sridharan K. (1996) *The ASEAN Region in India's Foreign Policy*, Aldershot: Dartmouth Publishing Company.

Suresh R. (ed.) (2020) *India's National Security: A Maritime Security Perspective*, New Delhi: Vij Books.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

The Concept of the Indo-Pacific Region in the Works of Indian Political Scientists

Alexey V. KUPRIYANOV

PhD in History, Senior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-9041-6514

CITATION: Kupriyanov A.V. (2020) The Concept of the Indo-Pacific Region in the Works of Indian Political Scientists. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 47–65 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-3

Received: 06.04.2020.

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of Indian approaches to maritime spaces and the evolution of perception of the regional space by the Indian expert and political community. The author points out sub-imperial stage, when India was seen as the dominant force in the region and the center of the sub-empire inside the British Empire; the period of the Cold War, when India focused on strengthening its position in the international arena by building ties with African and Middle Eastern countries, while paying attention to maintaining the status quo in South Asia; and the period after the end of the Cold War, when India rethought its strategic priorities and developed original approach to the division of the regional space. The author offers his own version of the division of the space of the Indo-Pacific region, based on the approach of the Indian scientist K.R. Singh, who proposed at one time the spatial division of the Indian Ocean region; this option allows to take into account the difference in the attitude of Indian political elites to various subregions

and highlight the reasons why this difference arose.

KEY WORDS: India, Indian Ocean, Pacific Ocean, IOR, Indo-Pacific, spatialization, maritime space, maritime domain

References

- Andrews C.F. (1937) *India and the Pacific*, London: George Allen & Unwin.
- Brewster D. (2014) *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*, Abingdon: Routledge.
- Brewster D. (ed.) (2018) *India & China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*, New Delhi: Oxford University Press.
- Buschmann R.F., Slack Jr. E.R., Tueller J. (2014) *Navigating the Spanish Lake: The Pacific in the Iberian World, 1521–1898*, Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Buzan B., Little R. (2000) *International Systems in World History: Remaking the*

Study of International Relations, New York: Oxford University Press.

Chaudhury A.B.R., Basu P., Bose S. (2019) *Exploring India's Maritime Connectivity in the Extended Bay of Bengal*, New Delhi: ORF.

Chowdhury Y., Chowdhury A.D. (2016) *Modi and the World: The Ring View Inside Out*, New Delhi: Bloomsbury.

Crocombe R. (2007) *Asia in the Pacific Islands: Replacing the West*, Suva: IPS Publications, The University of the South Pacific.

Debroy B., Ganguly A., Desai K. (2019) *Making of New India: Transformation under Modi Government*, New Delhi: Wisdom Tree.

Devi T.N. (ed.) (2007) *India and Bay of Bengal Community: The BIMSTEC Experiment (Bangladesh-India-Myanmar-Sri Lanka-Thailand Economic Cooperation)*, New Delhi: Gyan Publishing House.

Doyle T., Rumley D. (2019) *The Rise & Return of the Indo-Pacific*, New York: Oxford University Press.

Hopkins A.G. (ed.) (2002) *Globalization in World History*, London: Pimlico.

Jaffrelot C. (2003) India's Look East Policy: An Asianist Strategy in Perspective. *India Review*, vol. 2, no 2, pp. 35–68. DOI: 10.1080/14736480412331307022

Johnston A.I. (1995) *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, New Jersey: Princeton University Press.

Karnad B. (2018) *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*, Gurgaon: Penguin.

Kemp G. (2010) *The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East*, Washington: Brookings Institution Press.

Khurana G.S. (2007) Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation. *Strategic Analysis*, vol. 31, no 1, pp. 139–153. DOI: 10.1080/09700160701355485

Kumar Y. (ed.) (2017) *Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a*

Seminar on Narendra Modi's Sagar Speech, New Delhi: KW Publishers.

Kux D. (1993) *India and USA: Estranging Democracies, 1941–1991*, Washington: National Defense University Press.

Lebedeva N.B. (1991) *International Relations in the Indian Ocean Region*, Moscow: Nauka (in Russian).

Lebedeva N.B. (2018) *The Indian Ocean: Challenges of XXI Century and India (Studies of the International Relations)*, Moscow: IOS RAS (in Russian).

Menon V.B., Paul J.M. (2017) *Sub-Regional Cooperation in South Asia: India, Sri Lanka and Maldives*, New Delhi: Vij Books India.

Mishra A. (2019) India-Africa Maritime Cooperation: The Case of Western Indian Ocean. *Observer Research Foundation*. Occasional Paper No. 221, November 2019. Available at: <https://www.orfonline.org/research/india-africa-maritime-cooperation-the-case-of-western-indian-ocean-57250>, accessed 22.06.2020.

Mishra A., Saha P. (2020) Act East and Act West: Two Different Prisms for India's Indo-Pacific Strategy. *Observer Research Foundation*, January 4, 2020. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850>, accessed 22.06.2020.

Mohan C. Raja (2006) India and the Balance of Power. *Foreign Affairs*, vol. 85, no 4, pp. 17–32. DOI: 10.2307/20032038

Mohan C. Raja (2013) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*, New Delhi: Oxford University Press.

Mohan C. Raja (2015) *Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence*, Noida: HarperCollins India.

Pant H.V. (ed.) (2019) *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Paranjpe S. (2013) *India's Strategic Culture: The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Rais R.B. (1986) *The Indian Ocean and the Superpowers*, London: Croom Helm.

Rajesh M.H., Sharma R.K. (2017) *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects*, New Delhi: Vij Books India.

Rogozhina N.G. (2019) The Indo-Pacific Project and New Guidelines for ASEAN-India Cooperation. *West-East-Russia 2018. Yearbook*, Moscow: IMEMO, pp. 129–134. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019_05.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Sakhuja V. (2019) Indic Statecraft and Indo-Pacific. *Vivekananda International Foundation*, October 11, 2019. Available at: <https://www.vifindia.org/print/6754>, accessed 22.06.2020.

Saran S. (2017) *How India Sees the World: Kautilya to the 21st Century*, New Delhi: Juggernaut.

Singh K.R. (2008) *Maritime Security for India: New Challenges and Responses*, New Delhi: New Century Publications.

Singh N. (2017) *Security Policy of India: Modi Doctrine*, New Delhi: Pentagon Press.

Sridharan K. (1996) *The ASEAN Region in India's Foreign Policy*, Aldershot: Dartmouth Publishing Company.

Suresh R. (ed.) (2020) *India's National Security: A Maritime Security Perspective*, New Delhi: Vij Books.

Usov V.A. (2003) *The Development of the Indian Ocean Rim Commonality: from "Empire of Monsoons" to Geoeconomic Community*, Moscow: Institute for African Studies.